

ции православного христианства, исповедующего соборность как фундамент духовной жизни. Россия – страна, избранная Христом:

Удрученный нашей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

В ответ на заявление германского канцлера О. Бисмарка о том, что национальное существо может быть достигнуто железом и кровью, Тютчев возразил:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может, спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Тютчевская антитеза двух путей единения человечества – противопоставление мирного пути кровавому – весьма актуальна и в наши дни.

Тютчев дорог нам и как поэт, и как пророк желанного грядущего.

Айхенвальд Ю. Тютчев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

Кожин В. Ф. И. Тютчев. Пророк в своем отечестве. М., 2003.

Козырев Б. М. Письма о Тютчеве // Лит. наследство. Т. 97, кн. 1. М., 1988. С. 97–114.

Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Тютчев Ф. И. Россия и Запад [Незавершенный трактат] // Лит. наследство. Т. 97, кн. 1. М., 1988.

Е. К. Созина

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА В РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Тютчев – поэт парадоксальный, и это проявляется во всем, не исключая истории его изучения в науке. Крупнейший русский лирик, которого еще Н. Некрасов своей знаменитой статьей 1849 г. «Русские второстепенные поэты» выводил из «второстепенных» в число поэтов первоклассных. Выводил, но вывел ли? Тютчев «выпрыгивает» из своего XIX в., его место в поэзии было определено скорее уже веком Серебряным – статьями В. Соловьева, С. Франка, В. Брюсова, Д. Мережковского. Он провоцирует на самые неожиданные сближения и параллели – от Ф. Ницше до М. Хайдеггера. И несмотря на то, что многие его стихи на уровне бессознательной памяти существуют в нашем сознании с детства, он видится поэтом трудным в силу уникальной – откро-

венно философской (даже, более того, метафизической) картины мира, раскрывающейся в его стихах. От сияющей звездами бездны Ломоносова до пылающей бездны Тютчева... а кто меж ними? Лишь плотный и яркий Державин, задающий вполне человеческие вопросы миру и Творцу. Согласимся, что за целый век это не так уж много.

Возможно, поэтому юбилей этого поэта не вызвал «обвала» статей, рецензий и книг, посвященных его жизни и творчеству и претендующих хотя бы на относительно «новое» слово. В «Дружбе народов» Л. Аннинский очередной раз воздал «должное» давнему сюжету существовавшего якобы противоборства Пушкина с Тютчевым [Бессильный ясновидец, 2003], да небольшие «полутолстые» журналы («Литературная учеба», «Русская речь») в своих сентябрьско-октябрьских номерах поместили столь же незначительные статьи-заметки об отдельных аспектах его поэзии. Опять – весьма немного.

В одной из работ о Пушкине С. Г. Бочаров выразил вполне обоснованное мнение о разрыве между пониманием и изучением Пушкина – о «дефиците нашего понимания Пушкина при столь обширном изучении» [Бочаров, 1999, 227]. Мне кажется, что в отношении Тютчева следовало бы сказать, что мы равно плохо понимаем и плохо изучаем этого поэта. Вероятно, нужен конгениальный не только читатель, но и исследователь Тютчева: для обыденного, массового литературоведения он слишком сложен, что и показывают несчастные публикации о Тютчеве, появляющиеся в печати. Наше понимание Пушкина отражает этапы развития русского национального самосознания. А Тютчева? Быть может, этапы нашего постижения себя в зеркале другого – европейского сознания?.. Тютчев – слишком европеец: не западник, не «русский европеец», но европейский человек по стилю мысли, по контексту стихов. Однако – и чрезвычайно русский, чего стоит его абсолютная беспечность к судьбе своих творений: стихи рассеивал по дому, как бабочка крылья (вырастут еще), мало или совсем не заботился о посмертной славе – об этом говорят истории его любовей.

В традиции так называемого тютчевоведения сложились разные подходы к изучению творчества поэта. Как и исследования о многих других художниках, они отражают развитие отечественного литературоведения, и по ним, как по ступеням, можно пройти историю нашей науки. Некоторые из них идут еще от работ о Тютчеве современников поэта – И. Аксакова, Н. Некрасова, иные – от указанных выше статей Вл. Соловьева и других русских философов Серебряного века.

Прежде всего следует назвать классические историко-литературные исследования, помещающие творчество Тютчева в контекст русской поэтической традиции – как предшествовавшей самому поэту (скажем, поэзии Г. Державина), так и сопутствовавшей ему, которую он, даже не живя в России, тем не менее выразил очень ярко. Напомню точное высказывание на этот счет Ю. Н. Тынянова: «...Поэзия 30-х гг. мимо его [Пушкина] ушла не вперед и не назад, а вкось: к сложным образованиям Лермонтова, Тютчева, Бенедиктова» [Тынянов, 1969, 191]. Здесь Тютчев, в 1830-е гг. проживавший в Германии и соответственно слагавший свои стихи далеко от родины, более того, и сфор-

мировавшийся как поэт в Европе, не в России, ставится тем не менее в один ряд с поэтами вполне отечественными, и в справедливости этого взгляда не усомнится, наверное, ни один российский исследователь. К данной научной традиции относятся работы упомянутого Ю. Н. Тынянова, В. В. Кожина, В. Н. Касаткиной, Л. А. Озерова, Н. Я. Берковского и многих, многих других.

Есть и другое направление историко-литературного изучения творчества поэта, имеющее не менее давние корни, – рассмотрение тютчевской поэзии в контексте западно-европейской литературы немецкого романтизма, а также философии – гносеологии немецкого идеализма, философии тождества Шеллинга. В этом русле идут работы К. В. Пигарева, Д. Д. Благого, Б. Я. Бухштаба, Л. М. Лотман, Л. М. Щемелевой. В «Тютчевском сборнике» – последнем из обобщающих и наиболее фундаментальных коллективных исследований творчества поэта – В. Н. Топоров расширяет западно-европейский контекст поэзии Тютчева, вводя в него не столь активно привлекавшиеся прежде имена Эйхендорфа и Новалиса. Тютчева, говорит он, «можно назвать немецким романтиком, писавшим по-русски» [Тютчевский сборник, 1990, 54], но – лишь в отношении локальной ночной темы, ибо, несмотря на всю поэтичность немецкого идеализма и, в частности, шеллингианства, оно «составляет лишь часть более общего и глубже лежащего «мифопоэтического» комплекса», находящего соответствие великому «космическому чувству» этого поэта [см.: Там же, 92].

Сопоставительный анализ творчества Тютчева и философских мыслей Б. Паскаля проводит еще один современный автор – Б. Н. Тарасов. Однако, несмотря на сравнительную новизну предложенного им контекста, сам ход его анализа и выводы (о примате у Тютчева Божественного над человеческим, христианского над шеллингианским) не выглядят бесспорными, да и делаются они главным образом на материале не столько лирики, сколько эпистолярного и публицистического наследия Тютчева. Очевидно, что определить характер художественного мировоззрения Поэта вряд ли можно вне системного исследования его поэзии и поэтики, и именно этот подход выражает себя в структуралистской методике, во второй половине XX в. пришедшей на смену традиционному историко-литературному анализу, точнее, поместившейся рядом с последним.

Структуралистский метод исследования предполагает рассмотрение творчества поэта как единого текста, в котором выделяются цепочки инвариантных мотивов и их оппозиций. Классическое его воплощение мы находим в известной статье Ю. М. Лотмана «Поэтический мир Тютчева», написанной для вышеназванного «Тютчевского сборника». Если Лотман пытался смоделировать мир Тютчева, то Б. М. Козырев – ученый-физик, обладавший тонким и безошибочным чутьем к поэзии, увидел в его лирике единый и целостный миф, в котором тематизируется древняя космология элеатов и который имел свою логику развития – эволюцию, по линии которой развивалось индивидуальное сознание поэта. Козырев не использовал терминологию Новейшего времени, но выявил интереснейший феномен, последнее объяснение

которому вряд ли когда-нибудь будет найдено: он показал, как в стихах позднейшего автора, и не помышлявшего о своих связях со столь далекими «предками», актуализируются древнейшие архетипические схемы, космогонические протосюжеты, как в «сверхпроводимой» (по выражению В. Топорова) поэзии Тютчева вдруг начинают звучать голоса милетских философов, а сквозь них пробуждается, чтобы быть усмирённым гармонией стиха, зов «древнего» и «родимого Хаоса».

Объединение исследовательских методик Лотмана и Козырева мы находим в работе Ю. И. Левина «Инвариантный сюжет лирики Тютчева». Отталкиваясь от продуктивной идеи Вл. Соловьева о выражении Тютчевым некоего «темного корня мирового бытия», автор выделяет единый архисюжет лирики поэта, играющий в ней роль основного поэтического мифа и призванный решить сотериологическую проблему: «чем неудовлетворительно положение человека в “этом” мире, как достичь соединения с “иным” миром, какие для этого потребны предпосылки, как удержаться в достигнутом состоянии, что этому мешает и т. д.» [Тютчевский сборник, 1990, 144]. Концепция Левина естественно пересекается с христианским вероучением, но, как замечает исследователь, вопрос о спасении не менее актуален и для других религий, да и сама схема «основного мифа Тютчева», по которой мир аксиологически един и онтологически дуален («этот – тот», «здесьшний – иной»), лежит в основе многих религиозно-философских систем, включая восточные, и имеет целиком архетипический характер. Вообще, надо сказать, что если связи Тютчева с христианством – давнее и популярное направление отечественного литературоведения (особо отметим тонкие, проницательные работы карельского исследователя В. Н. Сузи), то мифопоэтические параллели с буддизмом, с восточным мирозерцанием, о возможности которых упоминал Левин и к которым выводят нас сами строки стихов Тютчева, пока остаются за пределами исследовательских компетенций.

Мне представляется, что можно говорить о выполнении нашим «тютчевоведением» последних семидесяти лет «заветов» Л. В. Пумпянского, крупного русского ученого круга М. Бахтина. В статье 1928 г. он сформулировал практически все аспекты изучения лирики поэта из названных выше. Вот тот желанный случай конгениальности ученого-исследователя поэту. Итак, коротко об основных идеях Пумпянского. Во-первых, ученый писал о необходимости своего рода системного, целостного подхода, на который провоцирует сама поэзия Тютчева, обладающая «сплошностью» параллелей и аналогий и развернутой системой «гнезд» или «дублетов» стихотворений: циклизм – «главный метод» этой поэзии. Во-вторых, он указал на возможность реконструкции поэтической мифологии Тютчева: «романтическая метафизика», как определил Пумпянский тип художественно-философского сознания поэта, «всегда стремилась одним грандиозным мифом охватить и природу и человечество» [Пумпянский, 1928, 13]. В-третьих, он наметил пути изучения историко-философских связей поэзии Тютчева: его шеллингизм, эстетическая природа метафизики, гегельянство исторического пафоса, шопенгауэровские источники ряда идей. Наряду с этим была выделена и историко-литера-

турная преемственность Тютчева (Державин, С. Бобров, Боратынский). В-четвертых, Пумпянский проследил направление философской эволюции поэта (позднее эту проблему будет по-своему решать Б. М. Козырев): разложение романтического догматизма и закономерный выход к нигилизму и декадентству («*Mal'aria*» – «первая *fleur de mal* европейской поэзии»), а отсюда связи Тютчева с символизмом, с лирикой И. Анненского. В-пятых, наконец, ученый обозначил вполне современный поворот исследовательской парадигмы: «Тютчев стремился к сложению иератического языка», подключался к культуре «интимно-загадочного жреческого языка», которым всегда живет истинная поэзия¹.

Именно последнее из указанных Пумпянским направлений изучения поэзии Тютчева, пожалуй, и является на сегодняшний день одним из наиболее популярных, а значит, и актуальных. Оно органично входит в постструктуралистский извод современной культуры, для которой осмысление языковой проблематики во многом равнозначно решению проблем миростроения. Впрочем, еще Ю. М. Лотман соединял описание онтологии поэтического мира с моделированием его языка, который у Тютчева не исчерпывается ориентацией на какие-либо отдельные философские системы, но «представляет собой сплав, опирающийся на различные культурные традиции» [Лотман, 1993, 147]. Чрезвычайно показательной для современного состояния науки является коллективная монография, выпущенная кафедрой теории литературы Тверского госуниверситета и посвященная анализу одного стихотворения Тютчева – «О чем ты воешь, ветр ночной?..». Ученые трех филологических школ – Твери, Донецка и Москвы (кафедра теоретической и исторической поэтики РГГУ) – в едином ключе обозначают свои аспекты исследования поэтической реальности тютчевского стихотворения. «...“Язык” является у Тютчева не только выразительной формой, а еще и сквозной темой стихотворения», – пишет С. Н. Бройтман [Анализ одного стихотворения, 2001, 17]. По мнению А. В. Домашенко, тютчевское «*Silentium!*» раскрывает онтологию речи, тогда как «О чем ты воешь, ветр ночной?..» посвящено онтологии языка [Там же, 49]. Наконец, еще один украинский исследователь, А. А. Кораблев, обобщая сказанное другими, подымает анализ одного стихотворения на принципиально иной уровень и расширяет границы собственно научного исследования: «Вопрос о художественности – это вопрос о языке произведения, и прежде всего об онтологии языка: “человеческим” ли языком говорит автор произведения или “ангельским”? “От себя” ли он говорит или “через себя”, являясь лишь голосом, озвучивающим невнятный и для него самого смысл?» [Там же, 58].

Обозначенные у нас линии исследования тютчевского творчества продолжают и синтезируют многие авторы современности. Причем синтез зачастую

---

¹ Попутно отметим, насколько неосновательны претензии критиков к поэтам разных времен – от Тютчева до Бродского и Кальпиди – по поводу их якобы неверного употребления того или иного слова. Язык поэзии – это язык смысловых смещений, семантических сдвигов, благодаря которым и создается эффект его темноты и сакральности [см. об этом: Пумпянский, 1928, 13].

оборачивается эклектикой, но, по-видимому, она неизбежна в то время, в котором мы живем и со-мыслим Тютчеву. Так, работа ивановского исследователя В. П. Океанского развивается, казалось бы, в русле историко-литературного изучения поэтического мира Тютчева, однако внутри него автор привлекает постмодернистскую методiku и на базе православной философии воссоздает парадоксалистскую модель художественной метафизики поэта. И. Б. Непомнящий (г. Брянск) отталкивается от мыслей Пумпянского и представляет целостное исследование контекста поэзии Тютчева, порождающими принципами которой являются «сплошность» и цикличность. В концепции О. В. Зырянова, работающего в стенах Уральского госуниверситета, стихотворения Тютчева рассматриваются в ходе анализа общих процессов жанрообразования в русской лирике; наконец, в статье автора этой небольшой заметки делается попытка воссоздать дискурсную модель поэтического мира Тютчева на основе методологии современной гуманитаристики.

Представленный здесь обзор направлений изучения поэзии этого подлинно великого русского художника далек от полноты и всеохватности, я упомянула лишь небольшую толику различных работ о Тютчеве, выходявших в России. Вероятно, двести лет – самое время для того, чтобы остановиться и подвести итог; возможно, как раз сейчас пишутся или «думаются» самые лучшие и новаторские работы о Тютчеве.

Анализ одного стихотворения: «О чем ты воешь, ветр ночной?..» Ф. И. Тютчева: Сб. науч. тр. Тверь, 2001.

Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Стихотворения. М.; Л., 1962.

Берковский Н. Я. О русской литературе: Сб. статей. Л., 1985.

«Бессильный ясновидец»: К 200-летию Ф. И. Тютчева // Дружба народов. 2003. № 6.

Благой Д. Д. Жизнь и творчество Тютчева // Тютчев Ф. М. Поли. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 1. М., 1994.

Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.

Бухштаб Б. Ф. И. Тютчев. Русские поэты. Л., 1970.

Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003.

Касаткина В. Н. Поэзия Тютчева. М., 1978.

Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978.

Козырев Б. М. Письма о Тютчеве // Лит. наследство. Т. 97, кн. 1. М., 1988.

Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 3. Таллин, 1993.

Непомнящий И. Б. Несобранный цикл Ф. И. Тютчева и проблема контекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2002.

Океанский В. П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века: Е. А. Боратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев. Иваново, 2002.

Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М.; Л., 1962.

Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева [Вступ. ст.] // Уралия: Тютчевский альманах, 1803–1928 / Под ред. Е. П. Казанович. Л., 1928.

Созина Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыт феноменологического анализа): Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001.

Сузи В. Н. Богородичные мотивы в пейзажной лирике Ф. Тютчева // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994.

Сузи В. Н. Принцип «двойного бытия» в поэзии Ф. И. Тютчева // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2. Петрозаводск, 1982.

Тарасов Б. Н. Тютчев и Паскаль // Русская литература. 2000. № 2, 4.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969.

Тютчевский сборник: Ст. о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1990.

Щемелева Л. М. О русской философской лирике XIX века // Вопр. философии. 1974. № 5.

В. В. Химич

СЛОВО ПОЭТА

Позволю себе несколько изменить направленность нашего разговора о Тютчеве и увести его в сторону размышлений о собственно творческом феномене. Весь цивилизованный мир отмечает сегодня двухсотлетие со дня рождения этого человека не потому, что он был высоким сановником или успешным дипломатом, а потому, что он прежде всего был великим поэтом. И поэтом вовсе не для избранных, как здесь ошибочно обронил кто-то. Его стихи несут в себе нечто сокровенное, что трогает любого живущего на земле человека. Именно поэтому и спустя два века, оставив повседневные дела, люди разных профессий едут в Мураново, музей-усадьбу им. Ф. И. Тютчева, проводят конференции или, как мы, собираются в таких вот литературных гостиных, чтобы с благодарностью почтить его память и насладиться звучащим поэтическим словом. При этом общем и сходном порыве Тютчев все же у каждого свой, и я думаю, что нам стоит войти в сферу индивидуального читательского восприятия тютчевской поэзии. Меня, например, более всего пленяет и захватывает способность автора воссоздать состояние человека, изумленного красотой окружающего мира. Не нуждаются ни в каких комментариях бессмертные строки стихотворения «Люблю грозу в начале мая...», вовлекающего читателя в пространство вселенского весеннего праздника, озвученного ликующими раскатами первого грома, птичьим гамом, шумом горных потоков. Глазами счастливого человека, пребывающего в состоянии всеобъемлющей, восторженной гармонии с миром, увидены эти живописные картины:

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

Философия торжествующей витальности предстает здесь в такой непосредственно чувственной осязаемости и полнозвучности, что не может не захватить всякого читающего эти строки.